

УДК 821.161

DOI: 10.17223/19986645/66/15

Т.П. Шастина

«ГЕНИЙ МЕСТНОСТИ» – Г.Н. ПОТАНИН ОБ УСАДЬБЕ ХУДОЖНИКА Г.И. ГУРКИНА НА АЛТАЕ¹

Исследуется проблема «genius loci» на примере образа художника-алтайца Г.И. Гуркина в областнической трактовке. На основе перекрестного прочтения переписки Г.Н. Потанина с М.Г. Васильевой и публикаций Потанина в «Сибирской жизни» анализируется роль усадьбы Гуркина в Горном Алтае в культурной жизни Сибири. Автор приходит к выводу, что наделение Аноса ролью Геттингена стало образом реализованной мечты областников о создании в Сибири собственных центров науки и искусства.

Ключевые слова: Гуркин Г.И., Потанин Г.Н., Васильева М.Г., Г. Гейне, Русский Алтай, село Анос, культурный центр, инородцы, газета «Сибирская жизнь», областничество.

Сибирский аспект изучения историко-культурного наследия России ныне активно развивается в проблемном поле «национальное, имперское, колониальное в русской литературе» [1]; в новейших сибиреведческих исследованиях «азиатская (восточная) компонента представляется... ценностно-эстетической реальностью анализируемого материала» [2. С. 6]. Развитие в искусстве образа Алтая² – одной из типичных восточных окраин Российской империи (в Сибири этот регион «был в полном смысле слова *окрайной Великой Окраины*» [7. С. 101]) – имеет свои особенности: в отличие от других окраин, в которых региональная литература выполняла репрезентирующую функцию – см. [8], т.е. представляла «свой народ, так сказать, внешнему наблюдателю» [9. С. 14], здесь эту функцию первоначально взяла на себя живопись.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай (грант № 18-412-040007 p_a).

² В отличие от современного нам словоупотребления топонимом *Алтай* традиционно называли *Русский Алтай*, т.е. принадлежавшую России часть Алтайской горной страны к северу от реки Бухтармы. «Этот русский Алтай не есть собственно горная окраина, а могучая передовая горная группа, вдающаяся от Алтайской системы в Барабинскую и Киргизскую степи; кроме востока, он со всех сторон окружен равнинами» [3. С. 480]. Составители новейшей антологии «Образ Алтая в русской литературе» пространственно объединяют топонимом Алтай территории современного Алтайского края и Республики Алтай (Горного Алтая) [4]. И историческое и мифопоэтическое наполнение топонима *Алтай* не предполагает подобного объединения: работая над эпическими сказаниями алтайцев, Потанин обнаружил, что «...в сказках не один Алтай, а иногда упоминаются три и даже девять Алтаев; и есть белые Алтай, и синие, и желтые, и черные» [5. С. 167–168]. См. объяснение этой особенности в фольклоре тюрко-монгольских народов [6. С. 282–286].

Творчество художника Григория Ивановича Гуркина (Чорос-Гуркин, 1870–1937) было первой самостоятельной заявкой территории о самой себе в культурном пространстве России. Несмотря на то, что в 1937 г. художник был обвинен в сепаратизме и расстрелян, в русской литературе на протяжении всего XX в. образ первого профессионального художника Сибири из инородцев рассматривался как символ Русского (Горного) Алтая. Осмысление русской литературой (а в конце XX в. и региональным сообществом Республики Алтай) образа Гуркина как гения места¹ происходило в Томской губернии в предреволюционный период под влиянием Г.Н. Потанина, идеолога сибирского областничества, поставившего вопрос о специфике сибирского искусства в общерусской культуре².

В первое десятилетие XX в. Томск³ полноправно начинает осознавать себя культурной столицей не только губернии (в состав которой входила тогда территория Русского Алтая), но и всей Сибири [13. С. 90–100, 337–344]. Геополитические факторы⁴, сдерживавшие развитие культурной жизни в Сибири в предшествовавший период, Г.Н. Потанин называет «особенностями сибирской судьбы» и перечисляет их, готовя к изданию в Санкт-Петербурге книгу «Песни сибирячки» поэтессы из Барнаула М.Г. Васильевой. В частности, он пишет: «...Сибирь была и до сих пор остается большой тюрьмой. Печальная особенность этой области <...>, отчуждающая её от метрополии и не позволяющая идти с последней одним темпом⁵ жизни...», вызывающая «желание куда-то бежать, под другое

¹ Ныне имя Г.И. Гуркина играет значительную роль в позиционировании Республики Алтай как самодостаточного субъекта РФ, обладающего не только уникальной природой, но и богатыми культурными традициями (см. [10]).

² О постановке Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым проблем сибирского литературного регионализма см. в работе И.А. Айзиковой [11].

³ См. обзор литературы вопроса и описание исследовательских подходов к осмыслению образа г. Томска в новейшей работе В.С. Киселева [12].

⁴ Об изменении к концу первого десятилетия XX в. административно-сдерживающих развитие культуры Сибири факторов свидетельствуют письма Г.Н. Потанина. В частности, он пишет Т.М. Фарафоновой (сент. – дек. 1908 г.), что Томск «...в нынешнем году вдруг превратился в настоящую умственную столицу Сибири. Только что кончилось удушие, созданное бароном Нолькеном (целых три года царил!) <...> Теперь у нас новый губернатор Гондатти. После трехлетнего культурного голода город набросился на культурные удовольствия. Начались выставки садоводства, огородничества и художественные. Были три выставки картин: томских художников, барнаульского художника Никулина и приезжавшего художника Вучичевича. Потом пошли концерты (камерные, даже симфонические), юбилейные вечера (Толстого, Шевченко, Дарвина, Гоголя) и, наконец, лекции. В какой-то мере город повеселел...» [14. С. 95]. Позже в письме Л.Ф. Пантелееву от 6 февраля 1910 г.: «У нас теперь, благодаря Гондатти, такая оживленная деятельность, какой никогда в Томске не бывало... Сразу появилось до десятка новых обществ, и я во всех членом, а в некоторых и очень деятельным членом» [Там же. С. 101].

⁵ Для выравнивая темпов «в Сибири должна возникнуть своя оригинальная школа в искусстве, своя литературная школа, своя школа живописи, своя музыка», – писал Потанин Васильевой из Петербурга в марте 1901 г. и делился планами: «...я все мечтаю

небо. Ни одна область империи не страдает таким отливом своих лучших интеллигентных сил, как Сибирь» [15. С. II–III].

Этот традиционный для областнической литературы¹ тезис, открывающий сборник лирики, воспринимается как прием остранения, указывающий столичному читателю на неординарность самого факта проявления поэтического дара в «забытой, брошенной» колонии, жители которой носят на себе «невидимые оковы»²; как способ привлечения внимания к окраинной территории, откуда молодежь и интеллигенция бежит «как из тюрьмы». Звучит это в предисловии Потанина вариацией «исповеди абсентеиста», которую другой идеолог сибирского областничества, Н.М. Ядринцев, тоже адресовал столичному читателю (см. [18. С. 13–14]). Подобная риторика была лишь одной стороной самопрезентации сибиряков на столичном уровне, другую сторону формировали утверждения, позволяющие периферии чем-либо гордиться перед столицей: например, вопреки расхожему представлению о неизученности *дикой* Сибири, академик Д.Н. Анучин, авторитетнейший антрополог и этнограф, один из корреспондентов Г.Н. Потанина, писал в «Восточном обозрении», что «в некоторых отношениях, можно сказать, Сибирь исследована теперь лучше, чем Европейская Россия», что в Сибири достаточно много истинно интеллигентных людей даже в крестьянской среде [19. С. 8].

Последнее утверждение ярко иллюстрировал факт возвращения из столичной Академии художеств на Алтай художника из алтайских инородцев Г.И. Гуркина. Благодаря Г.Н. Потанину он становится едва ли не самой популярной личностью в Томской губернии. Развитие образа художника в губернской периодике до 1917 г. шло в имагологическом ключе (от «*алтаец Гуркин*» до «*родной художник Гуркин*» [20]). Этноним *алтаец* в газетных публикациях того времени может быть заменен юридическим термином имперского периода *инородец* (к таковым относились «племена нероссийского происхождения»)³. Фигура художника-алтайца была ответом на

составить в Иркутске артистический кружок из местных литераторов, художников, музыкантов, актеров, мечтаю об объединении этих местных сил с целью положить начало местному творчеству» [5. С. 24].

¹ Н.В. Серебrenников, создавший «Схему причинно-следственных связей в русской областнической литературе», пришел к выводу: «Отличие областнической литературы от собственно литературы Сибири – в основе своей идеологическое» [16. С. 275].

² Добавим, что и в начале второго десятилетия XX в. мотивный комплекс «Сибирь – проклятое Богом место» еще активно функционировал в рассуждениях о современных сибирских писателях, но уже с оговорками: «На таком чувстве к Сибири воспиталось не одно поколение русских поэтов, пока жизнь создала новое положение, когда Сибирь могла встать с иной стороны, так, что природа её и любовь к ней вызвали уже целое литературное течение, целую группу так-назыв. «сибирских писателей», В их творчестве живы еще прежние переживания, но уже в новой окраске: их душа уже наполнена горечью за то, что бесконечно-дорогое для них – людьми проклинается» [17].

³ В инаковости (инородности) коренного населения Русского Алтая убеждают этнографическая информация, использовавшаяся еще при подготовке «Устава об управлении инородцами» 1822 г. (см. «Обычаи инородцев Бийского уезда: калмык и татар» [21. С. 1–3],

вопрос, решаемый областниками – «вопрос о культурных способностях инородческих племен и способности воспринять общечеловеческую цивилизацию» [22. С. 156]. Талант Гуркина расценивался как естественный дар могучей природы Алтая¹, а факт смерти на руках алтайского инородца его учителя – великого пейзажиста И.И. Шишкина обретал символическое значение передачи цивилизационного опыта.

Потанин, познакомившийся в Гуркиным в 1897 г., в письме от 20 ноября 1902 г. впервые связывает имя художника с конкретным местом на Алтае: «Чемал пришел мне в голову раньше, чем Вы упомянули это имя в своем письме. Имя это я давно знаю; туда ежегодно ездил из Петербурга улалинский² талантливый пейзажист Гуркин, чтобы писать этюды, и я видел чемальские виды и в альбоме Гуркина, и на академической выставке» [5. С. 46]. В нескольких верстах от Чемала, в селении Анос, Гуркин в 1903 г. начинает обустройства усадьбу, возводит жилой дом и мастерскую. С этого года Потанин, окончательно поселившийся в Томске в 1902 г., целенаправленно формирует в газете «Сибирская жизнь» образ *художника-алтайца*, активного участника нарождающейся культурной жизни г. Томска и Томской губернии³. В скором времени тот круг общения, в который Г.Н. Потанин ввел художника в Томске⁴, начинает каждое лето перемещаться в это крошечное селение⁵, создавая в нем новый – принципиально

наблюдения и выкладки Н.М. Ядринцева [22. С. 92–109], статьи Г.Н. Потанина в «Живописной России» [23] и в базовой для губернского представления об Алтае книге В.В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю» [24]).

¹ Образ богатырской мощи Алтая появляется и в лирике Васильевой:

Страны родной чудесный край
Красою гордою пленяет...
Могучий, царственный Алтай!
Он раны сердца исцеляет... [25].

Неоднократно ей вторит Потанин в «Сибирской жизни» (СЖ), акцентируя свой излюбленный тезис о взаимодействии науки и искусства в познании Алтая: «Величественный образ Алтая хотя и медленно, но с каждым годом все более и более обрисовывается перед нами благодаря трудам и усилиям его друзей, представителей науки и искусства. Его имя за последнее время стало гораздо известнее за пределами Сибири... господствующий тон в картинах Алтая – богатырская мощь...» [26]; алтайские картины «заставляют работать мысль» [27].

² Улала – место рождения Г.И. Гуркина, селение Бийского уезда Томской губернии, ныне г. Горно-Алтайск.

³ Пропаганда Г.Н. Потаниным творчества Гуркина рассматривается современными сибироведами как одна из форм «проникновения областничества» в сибирскую жизнь [28. С. 25].

⁴ В полной мере этот круг можно очертить по автографам, оставленным на великолепно оформленном Гуркиным в духе алтайской этно-природной экзотики поздравительном адресе Потанину в связи с 80-летием от Томского общества изучения Сибири [29].

⁵ В окружении Потанина складывается устойчивое представление о том, что он сам каждое лето бывает на Алтае. «Почти каждый год, преимущественно летом, Гр. Ник. с супругой выезжают на Алтай, где проводят лето на курорте Чемал или в селении Анос, в усадьбе художника-алтайца Гр. Ив. Гуркина, с которым Гр. Ник-ча связывает не только дружба, но и горячая любовь обоих к Алтаю и инородцам» [30].

светский – центр культуры на инородческой территории «во глубине России» (строки из стихотворения «В столицах шум, гремят витии...») Н. Некрасова были взяты Потаниным для эпитафии к вышеуказанной статье об инородцах Алтая).

Томская губерния до этого времени знала о существовании в *диком* Алтае только очагов православной культуры – миссионерских станов, информация о просветительской деятельности которых регулярно появлялась в «Томских епархиальных ведомостях»¹. Отцы-миссионеры свой *воображаемый Алтай* представляли православному читателю в столичных изданиях через образ Афона [32, 33]². Миссионерский стан – это *свое в чужом*.

Усадьба же художника Гуркина в *Аносе* являла полную противоположность миссионерским отделениям: её по собственному замыслу с нуля возводит инородец на инородческой территории³; для него она – центр собственного мира, расположенный на границе *своего и чужого* пространств; из Аноса он отправляется в экспедиции вглубь Алтая и выезжает для организации персональных выставок в Томск и другие сибирские города. Судя по заметке Гуркина «Пасха в Аносе» [36], это весьма уютный мир, населенный крещеными инородцами. Селение Анос «ниже Чемала»⁴ как место пребывания Гуркина Потанин называет при первом публичном представлении томской публике алтайского самородка и его патриотических планов – «познакомить Россию с картинами Алтая» [38].

Об успешной реализации творческих планов художника свидетельствуют его персональные выставки (после экспонирования в Томске отправлявшиеся в Красноярск, Иркутск, Барнаул), подробнейшим образом освещавшиеся «Сибирской жизнью». В каталогах всех трех выставок Гуркина в Томске указывается аносский адрес художника: «Принимаются заказы на копии картин и этюдов по уменьшенным ценам. Адрес: Алтай, Улалинское почт. отд. Томской губ., Бийского уезд., село Анос. Гр. Ив. Гуркин» [39. Л. 122 а, об.]; «Постоянный адрес художника Гуркина: Алтай, с. Анос. Гр. Ив. Гуркину через Улалинское почт. отделение (Томск. губ. Бийского уезда собственный дом)» [40. Л. 94 а, об.]. Приложение «алтаец»

¹ См. характерный образец такой информации [31].

² Представление же о реальном Алтае, окормляемом Алтайской духовной миссией, позволяет сформировать подборка архивных документов, опубликованная историком Алтайской духовной миссии прот. Георгием Крейдуном, дающая в том числе сведения и о географии структурных подразделений миссии [34].

³ Это места кочевков 1-й алтайской дючины, дючина – административно-этническая единица, дючины, в отличие от волостей, «не имели определенной территории и объединяли аборигенов по родовому признаку»; в южном Алтае было 7 дючин и 2 Чуйские волости; жители 1-й дючины кочевали по правому берегу Катунь преимущественно в бассейне реки Маймы [35. С. 217].

⁴ Уточнение «ниже Чемала» многое говорило томичам – село Чемал на нижней Катунь к тому времени уже было излюбленным курортным местечком жителей губернской столицы; например, летом 1903 г., с которого мы ведем отсчет, там проживало около 90 семейств дачников, в 1904 г. поток отдыхающих схлынул из-за волнений бурханистов [37].

к имени Гуркина на первых страницах каталогов выставок зимы 1907–1908 гг. и 1910 г. воспринимается как рекламный ход: слово это можно толковать и как этноним¹, и как топографическую привязку – в любом случае подчеркивается экзотичность персоны художника. В каталоге же выставки 1915 г. этого уже не требуется – художник к тому времени хорошо известен сибирской публике как «певец Алтая».

После первой персональной выставки Гуркина в Томске зимой 1907/08 г.², подтвердившей, что «областная интеллигенция» действительно прибывает, а «зародыш, может быть, областного искусства», о котором Потанин писал в августе 1907 г. [5. С. 131], реально развивается, село Анос оказывается у всех на слуху. Названия более десятка работ в экспозиции содержали слово «Анос»: № 4 «Зимний вечер (р. Катунь близ Аноса)», № 6 «Этюд Кама Бачияка, прожив. по реч. Анос», № 14 «Сосновый лес (речка Анос)»; № 29 «Юрта в Аносе»; № 51 «Село Анос зимою»; № 111 «Вечер в Аносе»; № 179 «Скала в Аносе» и др. Отточенная пейзажная техника в шишкинском стиле, эффектный выбор натуры, этнографизм – всё это вместе создавало представление о местоположении усадьбы Гуркина – настоящей усадьбы настоящего сибирского художника (хорошо известны были к тому времени именно как центры культуры усадьбы «Пенаты» И. Репина и «Терем» Б. Кустодиева)³, что само по себе для Сибири было ново.

На второй выставке художника в Томске (1910 г.) число работ, в подписи к которым стоит слово «Анос», удваивается; некоторые из них в каталоге содержат помету «не прод.»⁴. На второй и третьей (1915 г., распорядитель В.Я. Шишков) выставках экспонируются работы, названия которых говорят о том, что продуманный еще на стадии проекта эстетический потенциал усадьбы активно осваивается художником («Утро. Садик в Аносе», «Уголок в саду», «Маральник у мастерской художника», «В саду художника»).

Усадьба гостеприимного художника в Аносе часто именуется Потаниным *резиденцией* (т.е. местом нахождения высокопоставленного лица), что свидетельствует об оценке масштаба личности её хозяина. Для самого Потанина она становится комфортным местом научной работы, к которой ему удастся привлечь инородческое население (в том числе и

¹ «Алтайцы – те, кто живет к западу от Катунь... Живущие на левом берегу Катунь дают себе имя Алтай, на правом – Теленгит» [23. С. 253]. Современные идентификационные трактовки этнонима см. [41].

² Весть о которой как о значительном культурном событии дошла до столицы [42].

³ Следует отметить, что заимка томского художника А.Э. Мако «Рыбнушка», расположенная совсем недалеко от Аноса, в селе Черга на Чуйском тракте, была частным владением, фермой; никакой информации о ней и о её владельце в прессу не проникало. Нам удалось обнаружить только объявление о её продаже (СЖ. 1904. № 192).

⁴ Экземпляр каталога этой выставки, хранящийся в ТОКМ, имеет карандашные пометы, свидетельствующие об интересе к аноским пейзажам друзей автора, например: № 9 «Р. Анос (сосновый лес)» – Боголепов; № 114 «В устье Аноса» – Анучин; № 154 «Юрта Сабанчихи (в Аносе)» – Вологодский [40. Л. 91, 93, 93 об.].

хозяина усадьбы, о чем свидетельствует, например, публикация в серьезном научном издании фольклорных записей Гуркина, сделанных в верховьях речки Аноса в 1912–1913 гг. [43]. В письме С.Ф. Ольденбургу от 24 апреля 1908 г. Потанин сообщает: «На это лето еду к алтайцам¹ в д. Анос, в резиденцию художника, моего друга Гуркина, местного инородца. Тут у меня компания сотрудников, которые помогут мне собирать алтайские сказки. Одну уже сказку об Алтай-Буши мои друзья аносские записали как текст...» [14. С. 93]². Крошечный, всего в 26 дворов, Анос постепенно становится своеобразным *селом творчества* (если можно так сказать по аналогии с *домом творчества*), куда едут писать с натуры художники из разных концов страны. Анос часто фигурирует в «Сибирской жизни» в заметках с характерным для этой темы названием «Художественные вести». Например, Потанин сообщает: «...в сел. Анос, где живет Гуркин, с успехом писала этюды акварелью и масляными красками Е.Г. Тюменцева, ученица художественной школы в Киеве. Культ, который она питает к Алтаю в одинаковой мере, как и Гуркин, позволяет ждать от неё в будущем значительного участия в пропаганде алтайских эфффектов» [46].

Развитие аносской темы и процесс осмысления роли художника-алтайца в интеллектуальной и культурной жизни губернии позволяют проследить публикации Потанина в «Сибирской жизни». Уже в сезоне 1908 г. (после зимней выставки Гуркина в Томске) в сложившийся уклад дачной жизни в Чемале вносятся коррективы – художник начинает приглашать отдыхающих в свою мастерскую. Селение Анос вписывается Г.Н. Потаниным в пределы дачного пространства, названного им «чемальским тупиком». «К числу развлечений чемальских дачников принадлежит также посещение студии аносского художника, где они проверяют свои впечатления по произведениям красками» [47]. По наблюдениям Потанина, чемальские дачники (*воздушники, солнцепоклонники*) принадлежат к «действительной, а не сомнительной интеллигенции»; в основном это учителя и

¹ Следует добавить в качестве комментария к этой цитате потанинскую оценку алтайцев как этноса – самый кроткий в мире народ, «про который можно сказать, что он весь состоит из переодетых азиатами Мадонн и Аполлонов; это небольшое племя, населяющее долины Алтая, своими кроткими нравами напоминает тех мирных туземцев острова Гаити, которые очаровали спутников Колумба» [44].

² В этом письме интересны рассуждения о способах активизации сбора фольклора местными жителями. Книга, о которой идет речь в указанном письме (научно подготовленный фольклорный сборник, плод кропотливой совместной работы в Аносе Потанина и собирателя Никифорова над переводом с алтайского на русский), вышла в 37-м томе Записок Западно-Сибирского Отдела ИРГО [45]. Первоначально Потанин планировал поставить на обложке и имя Гуркина. Потанину-фольклористу работа над алтайскими сказками доставляла истинное удовольствие (см. в письме Васильевой из Онгудая от 3 июня 1909 г. «Стиль варварский... занимает меня иногда дикая и необузданная фантазия первобытного поэта... Картинки шокирующие, но забавные...мне еще ни разу не доводилось записывать сказок, столь богатых мифологическим материалом» [5. С. 168]).

учительницы, «пожелтевшие за зиму от тесных и мрачных школьных помещений»¹.

Приведем описания объектов усадьбы художника, которые можно рассматривать как потанинскую рекламу для томичей (рекламу весьма эффективную (см. в письме из Томска от 19 марта 1911 г.: «Одна учительница пишет мне, что из барнаульского уезда собирается группа учительниц и учениц поехать в Анос. А отсюда собирается туда же группа курсисток, которые намерены заниматься там гербаризированием» [5. С. 368])). Вслед за Потаниным эти объекты будут описывать в очерках многие гости алтайского художника, но это тема отдельного исследования.

Мастерская – «это большая зала с обильным светом, который вливается в неё из трех окон; одно окно больше других; оно имеет четыре аршина ширины и около сажени высоты... По середине комнаты циклопическая постройка, небольшая печь с железной трубой, сложенная из дикого серого камня. Хотя ей придана симметрическая наружность, она обмазана глиной и на ней глубоко вырезаны цифры (год сооружения), но некоторые остряки, умышленно не стесанные строителем, т.е. Гуркиным, обличают материал, взятый для постройки, и указывают на намерение художника подражать не тому архитектору, который строил Троицкий собор в Томске, а тому, который созидал аносскую скалу Ит-Кая. На стенах висит дюжина рам, заготовленных для картин, – работа самого Григория Ивановича, как и печь; в качестве материала для орнамента художник воспользовался скульптурой основных шишек».

В саду «нет расчищенных дорожек, нет клумб с цветами, родина которых или берега Средиземного моря, или южная Азия. Пространство, окруженное решеткой, чтоб не зашел на него скот и не помешал сурепице, журавельнику и другим диким полевым растениям роскошно развить свой рост... в этом саду есть одно посаженное растение, но это прозаический репейник², которого, по мнению художника, не доставало этой компании, тот самый репейник, который служит неизбежным спутником наших томских тротуаров».

Дом: «К стенам дома, обращенным в сад, пристроены небольшие террасы с перилами, поднявшись по ступеням любой из них, вы упретесь не в дверь, ведущую в дом, а в глухую стену и почувствуете сразу, что эти террасы возвышаются не с практической, а с какой-то эстетической, загадочной для вас целью. Вообще здесь во всем эстетик преобладает над практиком. Через изящные крылечки попасть внутрь дома нельзя, а к двери, ко-

¹ Типы чемальских дачников художественно запечатлел Г. Вяткин. В примечании к своему сочинению, имеющему подзаголовок «Поэзия и проза курортной жизни» он пишет: «Курортная жизнь на Алтае, развивающаяся с каждым сезоном все больше и значительнее, до сих пор, насколько нам известно, не находила отражения в сибирской беллетристике. Предлагаемые вниманию читателя наброски представляют собою первую такого рода попытку, в которой все наиболее характерное срисовано с живой действительности» [48].

² Дифирамб Потанина «прозаическому репейнику» передает Г. Вяткин [49].

торая действительно служит входом в дом, через которую проникают все посетители мастерской, приходится идти по длинной доске, одним концом положенной на порог двери, а другим лежащей на земле».

Окрестности: «Из окон мастерской вид на устье Аноса; вы смотрите сверху на овраг, в котором кончается течение Аноса; виден небольшой клочок Катуня. Вправо и влево от оврага обывательские домики, вокруг которых чередуются дворы задние, покрытые «культурным» слоем, и передние, парадные, с таким улыбающимся газоном, которого, мне кажется, нигде не встретите в крестьянских дворах на равнине. На заднем плане картины терраса правого берега Катуня с сосновым лесом на ней, а над ней гора Калтак-таш с двумя ущельями по бокам, слева ущелье речки Уснезю, справа речка Куима».

Общая оценка: «Анос – это шалаш, поставленный в лесу. Вы тут даже не в деревне, а в тайге... Перелезли через прясла вашего двора, и сейчас же кусты маральника, смородины, крыжовника, на скале бадан и ремень... Тут не то культура вторгается в природу, не то природа в культуру» [47].

Собственные впечатления от пребывания в усадьбе Гуркина Потанин передает в письмах: «Два месяца на Алтае (в Аносе) я провел с большим удовольствием» [5. С. 136]. «Как тут хорошо! Как хотелось написать Вам, что я чувствую под действием природы окружающей! Это был бы дифирамб картине, которую вижу из окна...» [Там же. С. 284]. Схему усадьбы Потанин рисует в письме М.Г. Васильевой от 13 февраля 1910 г. Он сообщает адресату, что приехавший в Томск для обустройства выставки Гуркин предлагает на лето поселиться в его доме. По памяти Потанин воссоздает план усадьбы, помечая цифрами взаиморасположение студии, жилых помещений, кухонь, амбаров, «живописной хижины над прудом (фантазии художника)», не забывая про заросли конопли и канаву, снабжающую водой вырытый Гуркиным прудик [Там же. С. 253].

Второй очерк цикла Потанина о чемальском тупике («В Чемальском тупике. В аиле у шаманки Саатан». СЖ. 1910. № 141–142) посвящен описанию поездки, совершенной совместно с художницей Базановой¹ и местным учителем-переводчиком Никифоровым из Аноса (со двора художника) к шаманке, жившей в верховьях Аноса². В публикации подробно объ-

¹ Л. Базанова выезжала на Алтай в 1907–1909 гг. Знаток местных условий и ценитель таланта художника-алтайца, она перед первой выставкой Гуркина в Томске опубликовала статью о его творчестве в «Сибирской жизни» [50].

² См. репродукцию картины А.А. Ворониной-Уткиной «Портрет Саатан» [51. С. 70]. В описании поездки к шаманке на камланье, сделанном по свежим следам, Потанин упоминает имя Ворониной вкупе с другими членами *аносского общества* (этнограф Анохин с помощниками, переводчик Никифоров, студент Котляров и еще человек двадцать дачников) и «неожиданно» появившимся в Аносе членом Государственной думы Н.В. Некрасовым [5. С. 282]. О том, что депутаты-сибиряки проявляют интерес к творчеству Гуркина, свидетельствует следующая заметка в хронике «Томская жизнь»: «Картины художника Алтая Г.И. Гуркина вызывают к себе значительный интерес публики, посещающей мастерскую художника. На днях, перед отъездом в Петроград, мастерскую посетил депутат С.В. Востриков, который приобрел большую картину, ис-

ясняется «тупиковость» чемальского локуса, т.е. те природные особенности, которые обусловили сохранение здесь в нетронутом виде древнейших этнических традиций шаманистов. Этот текст можно использовать как дополнительную информацию к известной статье Потанина «Этнографическая часть выставки Гуркина» (СЖ. 1907. №198), комментирующей сюжеты картин и эскизов Гуркина из жизни алтайцев в экспозиции первой выставки.

Этнограф, фольклорист, тонкий ценитель искусства, социолог дополняют друг друга в заключительной статье Потанина «Гой» из цикла «В Чемальском тупике» (СЖ. 1912. № 135). Описание поездки на алтайский свадебный пир¹, традиционно для *аносского общества* начинавшейся со двора художника, открывается рассуждением об особенностях горных пространств, объясняющим пристрастие Гуркина к изображению облаков; и по этому поводу Потаниным делаются прекрасные словесные картины горных окрестностей Аноса, не уступающие живописным пейзажам Гуркина. Нет сомнения в рекламном характере очерка – см. в письме Васильевой от 15 мая 1912 г.: «Я кончил описание поездки на алтайскую свадьбу и буду просить, чтоб поместили её до 1 июня, чтоб газета с этой статьёй пришла в Чемал, когда там уже будут дачники» [5. С. 387].

«Сибирская жизнь» после второй выставки Гуркина в Томске (1910 г.) в хроникальных разделах «По Сибири» и «Томская жизнь» упоминает Чемал и Анос гораздо чаще, чем все другие периферийные места губернии, что позволяет сделать вывод о закреплении в общественном сознании их особого статуса: у первого – курортного², у второго – культурного центра. Потанину важно было показать, что процессы художественного и научного изучения Сибири развиваются параллельно и Аносу в них принадлежит одно из ведущих мест. Читатели постоянно информируются о том, кто приезжает летом в Анос, кто и куда отправляется по Алтаю из Аноса, в этих заметках мелькают имена столичных и сибирских художников и ученых, и, конечно же, газета пристально следит за творчеством Гуркина. Характерный пример такой информации:

«14 июля из Аноса художники гг. Никулин, Гуляев, ученики казанской рисовальной школы, и г. Кузнецов, ученик Гуркина, выехали в Онгудай,

полненную по мотиву известной картины художника «Озеро горных духов», и сделал заказ на ряд этюдов. Депутат от имени сибирской группы в Г.Д. предложил Г.И. Гуркину всяческое содействие, если бы он решил устроить свою выставку в столицах» (СЖ. 1915. № 11). Последнее позволяет сделать вывод, что творчество художника-алтайца трактуется как культурная ценность, которой можно гордиться перед столицей; как неотъемлемая часть территориальной сибирской идентичности.

¹ Репродукция с картины Л. Базановой «Со свадьбы», написанной по летним аноским впечатлениям, помещена на обложке каталога выставки, подготовленной к 90-летию Томского общества любителей художеств; там же см. биографическую справку об авторе [51. С. 14–15].

² В число *алтайских курортов* входили Белокуриха, Чемал, Тюдрала, Эликманар, Черный Ануй, Черга, Узнезя, Анос, Манжерок (см. подробнее [52]).

откуда перевалият через Теректинский хребет и попытаются из Катанды подняться до Белухи.

19-го из Аноса выехал в Петербург геолог С.А. Яковлев, окончивший свои работы в долинах Чемала и Кадрина.

Г. Анохин, объехав всех шаманов, живущих в системе Аноса, с вершин этой реки спустился на Катунь у дер. Апшийякту (30 верст выше д. Анос) и оттуда выехал в Анос. Его сотрудниками и им самим собран большой материал о шаманстве; г. Никифоровым записаны тексты шаманских молитв; художницей А.А. Ворониной вывезены многочисленные рисунки бубнов, шаманских мантий, курмежеков (идольчиков) и др. предметов» [53].

В этой алтайской деревне начинает развиваться не только пейзажная, но и давно ожидаемая Потаниным жанровая сибирская живопись. Томский художник Прохоров, писавший в Аносе в основном пейзажи и портреты местных жителей, выставил свои работы в доме, снятом на лето, получилась «вторая студия, после гуркинской, только уступающая первой по размерам и роду живописи. Гуркин пейзажист. Он пишет природу, среди которой лишь изредка фигурирует человек, тогда как Прохоров – жанрист, который окружающий фон зелени и леса пишет для того, чтобы рельефнее выделить в нем фигуру человека» [54].

В статьях и заметках из Аноса и об Аносе¹ указывается на пространственное расширение притягательной силы усадьбы Гуркина, например: «...в конце июля посетил Анос петербургский художник Цириготи, совершив небольшую поездку на Каракол, оттуда вывез два этюда, отправился выючным путем через Онгудай к подошве Белухи...» [Там же]; приезжие художники Ларионов, Чашечников, Курзин, Кузнецов, работая в Аносе главным образом над алтайским пейзажем, уделяют внимание алтайскому жанру и быту (СЖ. 1913. № 171)².

У Потанина глубоко личное восприятие Аноса формируется под воздействием поэзии Г. Гейне – недаром популярный переводчик немецкого поэта М.Л. Михайлов утверждал, что «отголоски песен Гейне слышатся везде в современной лирике» [58. С. XIII]³. Лирика Гейне цитируется по-

¹ Сам же хозяин аносской усадьбы очень редко берет слово в газете, можно указать на практически единственную заметку Гуркина как художника-профессионала, в которой он отмечает фактическую неточность в обозначении авторства картины «Лесная глушь» в богато изданном в Париже альбоме, что, по его мнению, особенно недопустимо «с точки зрения интересов широкой провинциальной публики, которой приходится знакомиться с сокровищами русской живописи по литографированным снимкам» [55]. Точности ради отметим, что в это время Гуркин живет в Томске.

² Повышение интереса сибирских художников к Алтаю (и к Аносу в частности) можно проследить по каталогам периодических выставок картин томских художников начиная с первой (февраль – март 1909 г.) (см. работы Л.П. Базановой, А.С. Капустиной, Н.П. Ткаченко, Суховой [56]) и по девятой (см. также [57]).

³ В отличие от Н.М. Ядринцева, Потанин стихов об Алтае не писал, но и у него можно найти мысли о том, что Алтай позволяет «испытывать божеское, парнасское настроение», и тогда из-под пера выходят вполне поэтические строки: «Хвалю Алтая творческую мощь // Какие чудеса творит здесь теплый дождь» [5. С. 166–167].

русски в письмах Потанина и Васильевой с самого начала их эпистолярного романа [5. С. 45; 168]. В 1909 г. Потанин, отправляя ей письмо из Онгудая (на Чуйском тракте), для выражения переполняющих его чувств применяет к местным условиям образы стихотворения Гейне «Erklärung» (Herangedämmert kam der Abend...): «С каким бы удовольствием я сделал то же, что Гейне: вырвал бы сосну на Алтае, обмакнул её в лаву и огненными буквами написал на небе: Маня, я вас люблю» [Там же. С. 173–174] – ср.:

Мощной рукою в норвежских лесах
С корнем я вырву
Самую гордую ель, и её обмокну
В раскаленное Этны жерло,
И этим огнем-напоенным
Исполинским пером напишу
На темном своде небесном:
«Агнесса!
Я люблю тебя [59. С. 116].

Васильева: «Знаю, как крепко любит меня мой поклонник, так сильно, как Гейне любил Агнессу» [5. С. 209]. Следует уточнить, что в Онгуде сосновых лесов нет, зато в Аносе был великолепный сосновый бор, тянувшийся вдоль берега Катунь, – излюбленное место художников-пейзажистов; сосны любил рисовать Гуркин. Тема Гейне в переписке могла возникнуть из факта знакомства Васильевой с переводчиком Гейне Петром Исаевичем Вейнбергом (отец Бориса Вейнберга, с 1909 г. преподававшего в Томском технологическом институте, активного сотрудника Общества изучения Сибири, поклонника таланта Гуркина), чей псевдоним говорил за себя – *Гейне из Тамбова*¹; П.И. Вейнберг считал лучшим переводчиком Гейне на русский язык М.Л. Михайлова [61. С. 14].

Из университетского Геттингена, которому в *книге-балагане* Гейне «Путешествие по Гарцу» (Die Harzreise, 1826) отводится несколько весьма ироничных страниц, начинается маршрут автора-путешественника (прозаическая часть) и лирического героя (стихотворная часть книги). Гарц как горная область мог быть на слуху Потанина со времени заграничного путешествия Н.М. Ядринцева (1885 г). Алтай в «Письмах сибиряка из Европы» [62] Ядринцева – постоянный объект сравнения *своего и чужого* при описании географических и культурных особенностей посещаемых горных пространств; немецкая мифология положена в основу стихотворения Ядринцева «На Гарце» [63. С. 207]; в известном и Ядринцеву и Потанину Барнаульском горном музее хранилась коллекция горных пород Гарца; на Гарц указывает и образ *брокенского призрака* в очерке Ядринцева «Странник на золотом озере» [64].

Геттинген как объект сравнения появляется в письме Потанина М.Г. Васильевой от 20 июня 1910 г.:

¹ О популярности творчества Гейне в Сибири свидетельствует тот факт, что «один из фельетонистов «Сибирских отголосков» берет себе псевдоним «Гейне из Томска» [60. С. 16].

Анос превратился в какой-то Гельдерберг или Геттинген, тогда как Чемал – это наш Париж¹. Там куча лже-интеллигенции, улица кишит дачниками; там даже есть ресторан или столовая, обеды в три блюда и газеты. Из села там выезжают кавалькады флиртующих, а здесь в Аносе вы видите даму с финским ножом на поясе для рытья растений, с берестяной коробкой на бедре для выкопанных растений; или выходит из села джентльмен с мальчиком, идущий в лес отыскивать личинки и бабочки <...>

Крутовский очень доволен тишиной нашего села. Вейнберги в восторге от местных условий, от внешнего вида природы. Они находят, что долина Катуня напоминает Тироль. Воронина сначала была недовольна, потому что местные жители усвоили русскую внешность и не представляют материала для стилизации; нет народного алтайского орнамента; но теперь ей улыбнулась судьба в виде поездок с Анохиным по стойбищам кочевых алтайцев [5. С. 280].

А в обзорной газетной статье 1911 г. звучит имя Гейне:

Общество (любителей художеств. – *Т.Ш.*) приняло под свое покровительство выставку алтайского художника Г.И. Гуркина (на маслянице)... На выставке Гуркина было 3773 посетителя; картин было выставлено 224 номера. Лица, видевшие прежние работы, нашли, что художник не застыл на месте, что он делает шаги вперед. Лучшими по технике признаны те картины, которые трактуют не романтические сюжеты в рамках из высоких гор с грандиозными далями, а более прозаические – скромные – поляны на реке (оз. Каракол), луг, поросший высокой травой, но самой богатой поэтическим содержанием картиной нужно назвать «Озеро Денидере». Как и на предыдущей выставке, г. Гуркин выступил, как поэт высоких горных вершин, окруженных чистым воздухом, стерилизованным от микробов, куда Гейне стремился убежать от суеты долин, от «полированных зал» и от «полированных лиц», где человек теряет потребность грешить и прощает себе свои прошлые грехи [66].

В этом тексте, предназначенном для широкой публики, закавычены слова стихотворения Гейне «Aus der Harzreise. Prolog»² (известного в переводе Михайлова как «Фраки, белые жилеты...»):

Полированные залы...
Полированные гости...

¹ Подобный «акт присвоения имени» — характерная черта восточного травелога русской литературы XIX в., на которую обратил внимание К. Анисимов, в частности, он отметил: «...ориентация на широко понимаемую культурную традицию и фактор переноса имени на основе «сходства» обуславливали идентификацию <...> координат хронотопических, в которых создатель травелога «размещал» события своего рассказа» [65. С. 7].

² По данным Н.Е. Никоновой, сибирская читающая публика была неплохо осведомлена о немецкой литературе, по частоте переводов в сибирской периодике она стояла на втором (после французской) месте (более 180 текстов) [67. С. 31].

В горы! в горы! Я оттуда
Улыбнуса вам без злости [58. С. 21–22].

Несколько позже в письме профессору Б.П. Вейнбергу от 31 мая 1911 г. Потанин вновь процитирует это стихотворение:

Анос и Чемал удерживают свои роли: Чемал – Париж, Анос – Геттинген или Мюнхен. В Чемале – «полированные залы и полированные лица», в Аносе процветают наука и искусство. Тут Гуркин, тут Прохоров, который пишет и пейзажи, и портреты. Уже написан портрет с Чолтуша, рапсоды, от которого Николай Яковлевич (в доме которого жил Крутовский) записал до десяти алтайских былин. Одна барышня, Богатырева, учится рисованию, усердно ходит в горы и в лес за сбором растений и определяет их по Крылову... Не так, правда, здешнее общество богато и авторитетно наукой противу прошлого лета, а все же не чета Чемалу [14. С. 108].

В третий раз та же цитата встречается в рецензии Г.Н. Потанина на книгу В.В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю»:

Алтайские горы каждое лето привлекают в свои долины до 500 дачников, приезжающих подышать горным воздухом и полюбоваться красотой долин. Горы производят благотворное действие и на физический, и на духовный организм их посетителей. Гейне от «полированных зал» и «полированных лиц», т.е. от людской фальши и пошлости, зовет их в горы, там, на горных высотах, потерянное равновесие восстанавливается, и человек начинает смотреть на жалких людей, оставшихся внизу, с доброй улыбкой. Дух горных высот... чудотворец. Счастлив тот человек, который хоть раз побывал в этих святых пустынях... [27].

Мы приходим к выводу, что для Потанина-путешественника, Потанина-ученого «Пролог» Гейне – лейтмотив глубоко личного восприятия Алтая; это символические ворота не в сказочный Гарц с его овечьими легендами Брокенем, а вход в альпийскую горную область Русского Алтая. Алтайское высокогорье для ученых круга Потанина, для формирующихся научных школ университетского Томска в начале XX в. – то же, что и Альпы для ученых Европы в XVIII–XIX вв.; а усадьба художника Гуркина – место начала многих летних экспедиций. В этом контексте надделение крошечного инородческого селения Аноса ролью Геттингена не художественное преувеличение, а, скорее, образ реализованной мечты о создании в Сибири собственных центров науки и искусства.

Мощь горного пространства Алтая и мощь таланта Гуркина в хорошо продуманной Потаниным системе формирования образа художника-инородца слились воедино: «Гуркин и Алтай стали для Сибири синонимами» [68]; «Гуркин и Алтай неотделимы» [69]. Усадьба художника – это уникальный артобъект, при непосредственном участии томских профессо-

ров создававшийся Гуркиным и запечатлевший «следы его гения, его вкусов, его художественных капризов» [47]. Это Алтай в миниатюре, где вдали от всех и всяческих столиц, вне политики и полицейского надзора одна из «святых пустынь» Алтая позволяла ученым и художникам не «угождать пошлым вкусам», не делать «никаких уступок раболепному подражанию «модным течениям», не стараться «заставить говорить о себе, выдвинуться во что бы то ни стало, быть реформатором хотя бы и бутафорского масштаба» [69], а честно служить науке и искусству.

В Аносе алтайцем Гуркиным были созданы на русском языке стихотворения в прозе «Плач алтайца на чужбине» (СЖ. 1907. № 196), «Алтайцы и Катунь» (Жизнь Алтая. 1911. № 36), «Праздник реки Катунь» (Жизнь Алтая. 1912. № 70), «Озеро Кара-Кол» (Жизнь Алтая. 1913. № 97), признанные ныне классикой алтайской литературы. И сам первый сибирский художник-инородец благодаря Г.Н. Потанину через столетие стал образом классика-основоположника со всем набором присущих этому образу символических функций¹ и культурных коннотаций.

Литература

1. Хомук Н.В. Международная научная конференция «Национальное, имперское, колониальное в русской литературе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 225–232.
2. Комаров С.А., Лагунова О.К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 200 с.
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 1: А – Алтай. СПб., 1890. 480 с.
4. Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология : в 5 т. Барнаул, 2012.
5. Г.Н. Потанин, М.Г. Васильева. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
6. Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»: аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
7. Новоселов А. Задачи сибирской этнографии // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. 38: Посвящается Григорию Николаевичу Потанину по случаю 80-летию его жизни (1835–1915). Омск, 1916. С. 86–104.
8. Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос. Пг., 1916. Т. 1. 482 с.
9. Киселева Л. Литературная составляющая имперского национального проекта // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели. Тарту, 2012. С. 12–70.
10. Алексеев П.В. Г.И. Чорос Гуркин как *genius loci* в современных дискурсах национальной и региональной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай) // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы VI Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 2018. С. 291–304.
11. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–91.

¹ Таковые обозначены М.А. Литовской в статье, посвященной удмуртскому классику Кедре Митрею [70. С. 132–133].

12. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 36–61.
13. *Город* Томск. Томск, 1912. 348 с.
14. *Письма* Г.Н. Потанина : в 5. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. Т. 5. 272 с.
15. Васильева М.Г. Песни сибирячки. СПб., 1901. 187 с.
16. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
17. Е. В-нь. Современные сибирские писатели. III. П. Драверт // Жизнь Алтая. 1912. № 72.
18. Ядринцев Н.М. (Добродушный Сибиряк). На чужбине (из исповеди абсентеиста) // Восточное обозрение. 1883. № 29.
19. Анучин Д. Об антропологических исследованиях в Сибири // Восточное обозрение. 1883. № 29.
20. Шастина Т.П. Медийная личность в культурном пространстве Томской губернии начала XX века: художник Г.И. Гуркин // Вопросы журналистики. 2018. № 4. С. 118–136.
21. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. 312 с.
22. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. 308 с.
23. Потанин Г.Н. Инородцы Алтая // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11: Западная Сибирь. СПб. ; М., 1884. С. 253–272.
24. Потанин Г.Н. Население // Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. С. 15–24.
25. Васильева М.Г. Из воспоминаний об Алтае // Восточное обозрение. 1904. № 140.
26. Потанин Г. Алтай в фотографиях // Сибирская жизнь. 1911. № 117.
27. Потанин Г. Алтай. Проф. В.В. Сапожников «Пути по Русскому Алтаю». Томск, 1912 // Сибирская жизнь. 1912. № 236.
28. Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.П. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.
29. Потанин Г.Н. Поздравительный адрес в связи с 80-летием от Томского общества изучения Сибири. 21 сент. 1915 г. // НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1.
30. Г.В. (Георгий Вяткин). Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. 1915. № 205.
31. Петр Мстиславский, прот. Религиозно-нравственная и просветительная деятельность Алтайской миссии по отношению к инородцам Алтая // Томские епархиальные ведомости. 1901. № 1.
32. Стефан Ландышев, прот. Алтайская духовная миссия. М., 1864. 22 с.
33. Алтай / сост. Михаил Путинцев, прот. 2-е изд. М. : Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря, 1891. 72 с.
34. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов / сост. Георгий Крейдун, прот. Барнаул: Барнаульская духовная семинария. Барнаул : Алтайский дом печати, 2016. 204 с.
35. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алтайск. ун-та, 1996. 400 с.
36. Гуркин Г. Пасха в Аносе // Жизнь Алтая. 1912. № 89.
37. Вал. Буля. С Алтая // Сибирская жизнь. 1904. № 129.
38. Г. П. (Потанин Г.) Живопись в Сибири // Сибирская жизнь. 1903. Ил. прилож. к № 195.
39. Каталог выставки картин Г. Гуркина // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102.

40. *Указатель* выставки картин Алтайца Гуркина 1910 года // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102.
41. *Голикова Т.А.* Алтайцы: словарь этнолингвокультуры. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 346 с.
42. *Далькевич М.М.* Г.И. Гуркин // Нива. 1908. № 49.
43. *Гуркин Гр.* Алтайские сказания о Сартакпае // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 38. Посвящается Григорию Николаевичу Потанину по случаю 80-летия его жизни (1835 – 22/IX 1915 г.). Омск, 1916. С. 145–148.
44. *Потанин Г.Н.* Инородческие музыкальные мотивы // Сибирская жизнь. 1908. № 59.
45. *Никифоров Н.Я.* Аноосский сборник: собрание сказок алтайцев. Омск, 1915. 293 с.
46. *Потанин Г.* Художественные вести // Сибирская жизнь. 1909. № 243.
47. *Потанин Г.* Чемальский тупик, с. Анос // Сибирская жизнь. 1909. № 162.
48. *Вяткин Г.* В горах Алтая // Сибирская жизнь. 1909. № 161, 166, 172.
49. *Вяткин Г.* Из дневника. Анос // Сибирская жизнь. 1915. № 205.
50. *Базанова Л.* Выставка картин художника Гуркина // Сибирская жизнь. 1907. № 197, 199.
51. *Томск художественный: начало XX века: каталог выставки / отв. ред. И.П. Тюрина.* Томск : Раско, 2002. 88 с.
52. *Катунин Ф.* Посещаемость алтайских курортов // Сибирская жизнь. 1911. № 235.
53. *Г. П-нь* (Потанин Г.) Селение Анос, Бийского уезда (Экспедиции и курорты) // Сибирская жизнь. 1910. № 170.
54. *П-а.* Анос (Изучение Сибири. – Сибирские художники) // Сибирская жизнь. 1911. № 182.
55. *Гуркин Гр.* О художественном альбоме картин музея Александра III (Письмо в редакцию) // Сибирская жизнь. 1915. № 3.
56. *1 периодическая выставка картин Томских художников* (февраль – март 1909 г.) // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 98. Л. 60.
57. *Каталог* художественной фотографической выставки. С 11 по 17 апреля 1911 г. в Гоголевском доме // ТОКМ. Оп. 6. Д. 152. Л. 24.
58. *Песни* Гейне в переводе М.Л. Михайлова. СПб., 1858. 144 с.
59. *Гейне.* Признание / пер. М.Л. Михайлова // Русское слово. 1859. № 11. Отд. 1. С. 116–117.
60. *Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Олицкая Д.А.* Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 204 с.
61. *Вейнберг П.И.* Песни Гейне в переводе М.Л. Михайлова // Библиотека для чтения. 1858. Т. 150. С. 11–17.
62. *Ядринцев Н.М.* Письма сибиряка из Европы // Восточное обозрение. 1885. № 36, 39, 42, 44, 48.
63. *Ядринцев Н.М.* На Гарце // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. 408 с.
64. *Ядринцев Н.М.* Странник на золотом озере // Восточное обозрение. 1882. № 1.
65. *Анисимов К.В.* Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.
66. *Потанин Г.* Зимний сезон 1909–1910 г. в Томске // Сибирская жизнь. 1911. № 2.
67. *Никонова Н.Е.* Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 30–52.
68. *Красочный певец* Алтая // Сибирская жизнь. 1916. № 79.

69. Вс. К. (Крутовский). Выставка картин Г.И. Гуркина // Сибирская жизнь. 1915. № 60.

70. Литовская М.А. Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 132–141.

The “Genius Loci”: Grigory Potanin on Artist Grigory Gurkin’s Manor in Altai

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 276–297. DOI: 10.17223/19986645/66/15

Tatyana P. Shastina, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tshliteratura@mail.ru

Keywords: Grigory Gurkin, Grigory Potanin, Maria Vasilyeva, Heinrich Heine, Russian Altai, Anos Village, cultural center, indigenous nation, *Sibirskaya Zhisn’* newspaper, oblastnichestvo (regionalsim).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Altai Republic, Project No. 18-412-040007.

The article studies the problem of a “genius loci”. The initial statement of the research is that the creative work of Grigory Gurkin, a famous artist, became the first individual declaration of the Russian (Gorny) Altai about itself in the cultural space of the Russian Empire. Unlike in other peripheries of the Empire, painting, not literature, performed the function of the region’s representation. Still, the image of the artist, who was a person from the indigenous community of the region, purposefully designed in the media space of Tomsk Province was a literary and regionalist construct created by Grigory Potanin. The construct embodied the idea of the high intellectual potential of the Siberian peripheral areas. The article aims to reveal the significance of Gurkin’s manor in the cultural life of Siberia in 1990–1917. The material for the study was correspondence between Potanin and Maria Vasilyeva, documents from Potanin’s archive in the Research Library of Tomsk State University, publications in the newspaper *Sibirskaya Zhisn’*, and archival materials from the Tomsk Regional Museum of Local Lore belonging to the period from 1901 to 1917. Using a cross-reading method, the author collected texts which describe or mention Gurkin’s manor located in a tiny picturesque Altai settlement, Anos, “the edge of the Great Edge” (A. Novosyolov). The author analyses and interprets these texts by methods of imagology studies, geopoetics, and ethno-poetics. The information from the texts proves the hypothesis that the figure of the Altai artist was a positive reply to the question “of the cultural abilities of indigenous tribes and their abilities to perceive the common human civilisation” (Yadrintsev) that the oblastniks (regionalsits) tried to answer. Potanin assessed Gurkin’s talent as a natural gift of the powerful nature of Altai. That is why he would add “Altaian” to the artist’s name, which served the purpose of drawing a link between the genius and the locus on the level of space and ethnicity. The artist’s manor with its elaborated topography was built as Altai in miniature. It became the first secular (in opposition to missionary) cultural centre of the Russian Altai that attracted the local population to the exploration of the region. It also was a summer residence for researchers from “Potanin’s Circle” and for artists, who would come to Anos from around the country. The study showed a specific feature in the reception and representation of Gurkin’s Anos in Potanin’s opinion pieces and egodocuments—through the system of images of *The Harz Journey* by Heinrich Heine. The author of the article concludes that the ascription of the role of Göttingen to Gurkin’s Anos became the oblastniks’ dream of forming research and art centres in Siberia come true.

References

1. Khomuk, N.V. (2017) International academic conference "The National, the Imperial and the Colonial in Russian Literature" (Russian Federation, Tomsk, Tomsk State University, September 22–23, 2016). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. – *Tomsk State University Journal of Philology*. 45. pp. 225–232. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/45/17
2. Komarov, S.A. & Lagunova, O.K. (2016) *Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya* [Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology]. Tyumen: Tyumen State University.
3. Andreevskiy, I.E. (ed.) (1890) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 1. Saint Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron.
4. Kulyapin, A.I. et al. (eds) (2012) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv.* [The image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul".
5. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) *"Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu": perepiska* ["I want to serve you, dress you with my love": correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kazagacheva, Z.S. (2002) *Altayskie geroicheskie skazaniya "Ochi-Bala", "Kan-Alty'n": aspekty tekstologii i perevoda* [Altai heroic legends "Ochi-Bala", "Kan-Alty'n": aspects of textual criticism and translation]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
7. Novoselov, A. (1916) *Zadachi sibirskoy etnografii* [Objectives of Siberian ethnography]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 38. pp. 86–104.
8. Baudouin de Courtenay, I.A. (ed.) (1916) *Otechestvo. Puti i dostizheniya natsional'nykh literatur Rossii. Natsional'nyy vopros* [Fatherland. Ways and achievements of national literatures of Russia. National issue]. Vol. 1. Petrograd: Tipo-litografiya Aktsion. O-va "Samoobrazovanie".
9. Kiseleva, L. (2012) Literaturnaya sostavlyayushchaya imperskogo natsional'nogo proekta [Literary component of the imperial national project]. In: *"Ideologicheskaya geografiya" Rossiyskoy imperii: prostranstvo, granitsy, obitateli* ["Ideological geography" of the Russian Empire: Space, borders, inhabitants]. Tartu: University of Tartu. pp. 12–70.
10. Alekseev, P.V. (2018) [G.I. Choros Gurkin as a genius loci in modern discourses of national and regional identity (the case with the name of the airport in the Altai Republic)]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of local text]. Proceedings of the VI International Conference. Gorno-Altaysk. 26–29 May 2018. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 291–304. (In Russian).
11. Ayzikova, I.A. (2017) The image of a siberian writer in literary criticism and journalism of G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev (the 1870s – 1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. – *Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
12. Kiselev, V.S. (2017) Tomsk in Russian literature: problems and prospects of research. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (8). pp. 36–61. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/3
13. Sibirskaya zhizn'. (1912) *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdatel'stvo Sibirskogo tovarishchestva Pechatnogo dela v Tomske.
14. Kozlov, Yu.P. (ed.) (1992) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters by G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
15. Vasil'eva, M.G. (1901) *Pesni sibiryachki* [Songs of a Siberian Woman]. Saint Petersburg: Izdanie A.I.A. Kobychева.
16. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
17. V-n", E. (1912) *Sovremennye sibirskie pisateli. III. P. Dravert* [Contemporary Siberian Writers. III. P. Dravert]. *Zhizn' Altaya*. 72.

18. Yadrintsev, N.M. (Dobrodushnyy Sibiryak). (1883) Na chuzhbine (iz ispovedi absenteista) [In a foreign land (from the confession of an absentee)]. *Vostochnoe obozrenie*. 29.

19. Anuchin, D. (1883) Ob antropologicheskikh issledovaniyakh v Sibiri [About anthropological research in Siberia]. *Vostochnoe obozrenie*. 29.

20. Shastina, T.P. (2018) A media person in the cultural space of Tomsk Province in the early 20th century: The artist G. I. Gurkin. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 4. pp. 118–136. (In Russian). DOI: 10.17223/26188422/4/6

21. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [Collection of customary law of Siberian foreigners]. Varshava: Tipografiya Ivana Noskovskago.

22. Yadrintsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablits* [Siberian foreigners, their way of life and the current situation: ethnographic and statistical studies with the application of statistical tables]. Saint Petersburg: Izdanie I.M. Sibiryakova.

23. Potanin, G.N. (1884) Inorodtsy Altaya [Foreigners of Altai]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance]. Vol. 11. Saint Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f. pp. 253–272.

24. Potanin, G.N. (1912) Naselenie [Population]. In: Sapozhnikov, V.V. *Puti po Russkomu Altayu* [Paths across the Russian Altai]. Tomsk: Tipo-litografiya. Sibirskogo T-va Pechatnogo Dela. pp. 15–24.

25. Vasil'eva, M.G. (1904) Iz vospominaniy ob Altae [From memories of Altai]. *Vostochnoe obozrenie*. 140.

26. Potanin, G. (1911) Altay v fotografiyakh [Altai in photographs]. *Sibirskaya zhizn'*. 117.

27. Potanin, G. (1912) Altay. Prof. V.V. Sapozhnikov “Puti po Russkomu Altayu”. Tomsk, 1912 [Altai. Prof. V.V. Sapozhnikov “Paths across the Russian Altai”. Tomsk, 1912]. *Sibirskaya zhizn'*. 236.

28. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.P. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodical press of the Tomsk province (1857–1916): the formation of journalism and the formation of regional identity]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

29. Research Library of Tomsk State University. Potanin, G.N. G.N. Potanin's Archive. Fund 1. List 1. (1915) *Pozdravitel'nyy adres v svyazi s 80-letiem ot Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri. 21 sent. 1915 g.* [Congratulatory address on the occasion of the 80th anniversary of the Tomsk Society for the Study of Siberia. 21 September 1915].

30. G.V. (Georgiy Vyatkin). (1915) G.N. Potanin. *Sibirskaya zhizn'*. 205.

31. Mstislavskiy, P., protopriest. (1901) Religiozno-nravstvennaya i prosvetitel'naya deyatel'nost' Altayskoy missii po otnosheniyu k inorodtsam Altaya [Religious, moral and educational activities of the Altai mission in relation to the foreigners of Altai]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1.

32. Landyshev, S., protopriest. (1864) *Altayskaya dukhovnaya missiya* [Altai spiritual mission]. Moscow: Tipografiya Bakhmet'eva.

33. Putintsev, M., protopriest. (ed.) (1891) *Altay* [Altai]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Afonskogo russkogo Panteleimonova monastyrya.

34. Kreydun, G., protopriest. (ed.) (2016) *Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altayskoy dukhovnoy missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Missionary notes and diaries of employees of the Altai spiritual mission: Collection of archival documents]. Barnaul: Barnaul'skaya dukhovnaya seminariya; Altayskiy dom pečati.

35. Modorov, N.S. (1996) *Rossiya i Gornyy Altay: politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye otnosheniya (XVII–XIX vv.)* [Russia and Altai Mountains: Political, Socio-Economic and Cultural Relations (17th–19th centuries)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.

36. Gurkin, G. (1912) Paskha v Anose [Easter in Anos]. *Zhizn' Altaya*. 89.

37. Bulya, Val. (1904) S Altaya [From Altai]. *Sibirskaya zhizn'*. 129.

38. Potanin, G. (1903) Zhivopis' v Sibiri [Painting in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 195. Illustrated supplement.
39. *Katalog vystavki kartin G. Gurkina* [Catalog of the exhibition of paintings by G. Gurkin]. Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 6. File 102.
40. Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 6. File 102. *Ukazatel' vystavki kartin Altaytsa Gurkina 1910 goda* [Index of the exhibition of paintings by Altaian Gurkin of 1910].
41. Golikova, T.A. (2015) *Altaytsy: slovar' etnolingvokul'tury* [Altaians: Dictionary of Ethnolinguoculture]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
42. Dal'kevich, M.M. (1908) G.I. Gurkin. *Niva*. 49.
43. Gurkin, G. (1916) Altayskie skazaniya o Sartakpae [Altai legends about Sartakpay]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 38. pp. 145–148.
44. Potanin, G.N. (1908) Inorodcheskie muzykal'nye motivy [Foreign musical motifs]. *Sibirskaya zhizn'*. 59.
45. Nikiforov, N.Ya. (1915) *Anoskiy sbornik: sobranie skazok altaytsev* [Anos collection: collection of tales of the Altaians]. Omsk: Tipografiya shtaba Omskogo voennogo okruga.
46. Potanin, G. (1909) Khudozhestvennye vesti [Artistic news]. *Sibirskaya zhizn'*. 243.
47. Potanin, G. (1909) Chernal'skiy tupik, s. Anos [Chernal deadlock, Anos village]. *Sibirskaya zhizn'*. 162.
48. Vyatkin, G. (1909) V gorakh Altaya [In the mountains of Altai]. *Sibirskaya zhizn'*. 161, 166, 172.
49. Vyatkin, G. (1915) Iz dnevnika. Anos [From the diary. Anos]. *Sibirskaya zhizn'*. 205.
50. Bazanova, L. (1907) Vystavka kartin khudozhnika Gurkina [Exhibition of paintings by Gurkin]. *Sibirskaya zhizn'*. 197, 199.
51. Tyurina, I.P. (ed.) (2002) *Tomsk khudozhestvennyy: nachalo XX veka: katalog vystavki* [Artistic Tomsk: Early 20th century: Exhibition catalog]. Tomsk: Rasko.
52. Katunin, F. (1911) Poseshchaemost' altayskikh kurortov [Attendance of Altai resorts]. *Sibirskaya zhizn'*. 235.
53. Potanin, G. (1910) Selenie Anos, Biyskogo uezda (Ekspeditsii i kurorty) [The village of Anos, Biysk district (Expeditions and resorts)]. *Sibirskaya zhizn'*. 170.
54. P-a. (1911) Anos (Izuchenie Sibiri. – Sibirskie khudozhniki) [Anos (Study of Siberia. – Siberian artists)]. *Sibirskaya zhizn'*. 182.
55. Gurkin, G. (1915) O khudozhestvennom al'bome kartin muzeya Aleksandra III (Pis'mo v redaktsiyu) [About the art album of paintings of the Alexander III Museum (A letter to the Editor)]. *Sibirskaya zhizn'*. 3.
56. Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 6. File 98. Page 60. *I periodicheskaya vystavka kartin Tomskikh khudozhnikov (fevral' – mart 1909 g.)* [1st periodic exhibition of paintings by Tomsk artists (February – March 1909)].
57. Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). List 6. File 152. Page 24. *Katalog khudozhestvennoy fotograficheskoy vystavki. S 11 po 17 aprelya 1911 g. v Gogolevskom dome* [Catalog of an art photographic exhibition. 11–17 April 1911 in the Gogol House].
58. Heine, H. (1858) *Pesni Geyne v perevode M.L. Mikhaylova* [Heine's songs translated by M.L. Mikhailov]. Saint Petersburg: Tipografiya Yakova Treya.
59. Heine, H. (1859) Priznanie [Confession]. Translated from German by M.L. Mikhaylov. *Russkoe slovo*. 11. Pt. 1. pp. 116–117.
60. Nikonova, N.E., Seryagina, Yu.S. & Olitskaya, D.A. (2016) *Perevody nemetskoj literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of German Literature in Pre-Revolutionary Periodicals in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
61. Veynberg, P.I. (1858) *Pesni Geyne v perevode M.L. Mikhaylova* [Heine's songs translated by M.L. Mikhailov] *Biblioteka dlya chteniya*. 150. pp. 11–17.
62. Yadrintsev, N.M. (1885) Pis'ma sibiryaka iz Evropy [A Siberian's Letters from Europe]. *Vostochnoe obozrenie*. 36, 39, 42, 44, 48.

63. Yadrintsev, N.M. (1980) Na Gartse [On the Harz]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

64. Yadrintsev, N.M. (1882) Strannik na zolotom ozere [Wanderer on the Golden Lake] *Vostochnoe obozrenie*. 1.

65. Anisimov, K.V. (2014) The Eastern travelogue of the 19th-century Russian literature: “imagination” of imperial peripheries in the perspective of narrative poetics (introductory observations). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/1/1

66. Potanin, G. (1911) Zimniy sezon 1909–1910 g. v Tomske [Winter season 1909–1910 in Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 2.

67. Nikonova, N.E. (2018) Translation and translators in Tomsk literary periodicals at the late 19th century (I.I. Pochekas, P.A. Grabovsky, A.O. Stanislavsky and P.L. Chernevich). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 30–52. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/3

68. *Sibirskaya zhizn'*. (1916) Krasochenny pevets Altaya [The colourful singer of Altai]. *Sibirskaya zhizn'*. 79.

69. Vs. K. (Krutovskiy) (1915) Vystavka kartin G.I. Gurkina [Exhibition of paintings by G.I. Gurkin]. *Sibirskaya zhizn'*. 60.

70. Litovskaya, M.A. (2012) [Kedra Mitrei: the image of the classic and founder father in modern literature]. *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev readings–2011. Russian literature: National development and regional features]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. Yekaterinburg. 6–7 October 2011. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 132–141. (In Russian).